

Выразить музыку души...

«Лебединое озеро». Легенда, памятная с детства. Вершина русского балетного искусства. Мечта — экзамен на зрелость для молодых артистов...

— Скажите, ваш путь к осуществлению мечты был долгим?

Мои собеседники — солисты Белорусского государственного Большого театра оперы и балета Татьяна Ершова и Александр Мартынов — переглянулись:

— Не столько долгим, сколько трудным, — говорит Саша.

— Для достижения мечты, — добавляет Татьяна, — нужна воля. Театр для актера — это прежде всего работа. Хорошо, когда поймешь это уже в годы учебы. Конечно, и самолюбие подхлестывает. И даже злость в

подспорье, если она настоящая, творческая. Убеди себя: я должна это сделать. И тогда — сможешь. Вероятно, цветы и аплодисменты нравятся всем, но станцевать Одетту удастся не каждому.

...Одетта — Татьяна Ершова, Зигфрид — Александр Мартынов. Эти фамилии в программке нашего театра еще вписаны карандашом. Мои собеседники — дебютанты, хотя и несколько необычные. Лауреаты Международного конкурса в Варне. Мартынов танцует двенадцать лет, у Ершовой стаж поскромнее — начался ее шестой сезон.

— Сначала Саша и Таня танцевали в Рижском театре оперы и балета, там же впервые добились признания... И вот теперь Минск.

— Хорошая балетная труппа — это своеобразная школа, со

своими традициями, своими симпатиями и антипатиями в искусстве. Однако школа может существовать только постоянно развиваясь, совершенствуясь. Вы смотрели «Сотворение мира»? — Получив утвердительный ответ, Татьяна продолжает: — Этот спектакль, поставленный здесь, в Минске, и есть на наш взгляд, практическое развитие лучших традиций советского балета. Вот почему мы с радостью согласились работать в Минске...

— В вашем репертуаре до сих пор были только классические произведения — «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спящая красавица»... «Сотворение мира» — спектакль, резко отличный от них не только по форме, но и по «содержанию». Принципиально иная хореография, использование других слоев пластических возможностей актеров, иной под-

ход к музыке. Вас не пугают трудности?

— Нас пугает только «бег на месте». Всякое движение вперед мы можем только приветствовать. Кроме того, новая хореография в «Сотворении мира», как и в «Кармен-сюите», и в «Анне Карениной», не из воздуха соткана. Она корнями своими связана с классикой и, кто знает, может быть, со временем будет зачислена в ее разряд. Просто в ней — современный взгляд на мир, на возможности балета, его задачи. У классики же свои неоспоримые достоинства. В частности, нам она оказала поистине неоценимую услугу: имея в запасе несколько классических партий, мы довольно безболезненно вошли в репертуар нового театра.

— Саша, вот вы выходили на сцену в роли Зигфрида уже не десять и даже не двадцать раз,

спектакль же этот существует почти столетие, и рисунок его, на первый взгляд, неизменен...

— Вот видите, уже уступка — «на первый взгляд»... Как ни приблизительно такое сравнение, но балетная классика, по моему, чем-то сродни обязательной программе у фигуристов. Показательно, что в последние годы этот вид соревнований, «школу», как ее обычно называют, все чаще транслируют по телевидению. Значит, и строго регламентированный набор обязательных фигур можно сделать разнообразным, интересным. Весь секрет в мастерстве, в увлеченности своим делом.

— Не удивляйтесь таким метафорам, — замечает, улыбаясь, Татьяна. — Саша у нас спортсмен-разрядник. А вообще-то у нас действительно немало общего со спортом. Це-

леустремленность, желание победить, необходимость постоянно поддерживать форму, — эти качества нужны нам не меньше, чем спортсменам.

...Когда смотришь в театральном зале пьесу, образы которой прочно связаны памятью с именами выдающихся мастеров, невольно пытаешься сравнивать. Но занятие это неблагодарное. Каноны в искусстве — вещь опасная.

Одетта Ершовой. Лиричная, возвышенная любовью. Каюсь, слышав начальные звуки знаменитого «па-де-де», от волнения боялся поднять глаза на сцену. Потом увидел — и поверил. В романтического и стремительного Зигфрида Мартынова. В Одетту Ершовой. В любовь и труд, ведущие к цели.

Пленительная легкость балетного танца. Но сколько скрывает она от сидящих в зале — месяцы, годы ежедневного труда, огромных физических нагрузок. Десятки, сотни вариантов, опробованных в классе, отброшенных, неудачных. И — вершина всего и единственная награда — праздник танца, счастливая возможность выразить музыку собственной души...

— Самое значительное в на-

шей работе, — говорит Саша, — ее неповторимость. Стоишь за кулисами перед выходом и знаешь, что тот танец, который сейчас родится, умрет с закрытием занавеса. А завтра воскреснет вновь, похожий и непохожий на вчерашний. Именно поэтому так хочется работать каждый день.

— Несомненно, ваша работа очень трудоемкая и требует едва ли не всего вашего времени. Многие развлечения и увлечения для вас попросту запрещены. Но тяготит ли вас это?

— За столько лет (приплюсуйте еще и годы в хореографическом училище) вырабатывается привычка. [Я только сейчас обратил внимание, что Саша периодически украдкой разминает ноги.] — Ну, а увлечение у меня есть, и очень серьезное. Балет.

— А у вас, Таня!

— Театр и танец. Когда у человека работа — любимое дело, она, как мне кажется, и есть единственное настоящее увлечение на всю жизнь.

...День близился к концу. В сквере зажглись фонари, яркая полоска света легла на пол грифельной. В причудливых отблесках вечера мои собеседники выглядели особенно контрастно: смуглая черноволосая Татьяна («Наверно, это из-за внешности мне «сватают» темпераментные, характерные роли») и русский, с четко вычерченным профилем Александр...

А через час вновь был спектакль. И вновь удивительно легко взмывал величественный алый занавес, знакомым жестом постукивала о дирижерский пульт Татьяна Коломийцева, и прозрачно-теплым луч трепетал на озерной глади... Одетта — Ершова, Зигфрид — Мартынов. В программе Белорусского Большого театра эти фамилии еще вписаны карандашом...

— Чего бы вы хотели пожелать друг другу в новом для вас театре?

— Много работы, — ответил Саша, не задумываясь, и Таня кивнула в знак согласия.
В. КОСТРОВ.